

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В.А. ЯДОВ

ВОЗМОЖНОСТИ СОВМЕЩЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ В СОЦИОЛОГИИ

Различия теоретических подходов в социологических «гранд-теориях», а тем более обилие частных теорий порой вызывают сомнение в том, могут ли гуманитарии быть причисленными к благородному сословию ученых в классическом понимании «подлинной науки». В западноевропейской академической терминологии утвердилось размежевание областей знания на science и humanities. Последние являют собой лишь некоторое подобие науки. Р. Коллинз даже озаглавил одну из своих статей «Социология: наука или анти-наука?» [1]. Рассмотрим проблему в следующих аспектах:

- а) Что означает полипарадигмальность в науке, в особенности применительно к социологии?
- б) Какие исследовательские методологии возможны в ситуации множественности теоретических подходов?
- в) Существует ли потребность в особой «русской теории» для объяснения и понимания происходящих у нас социальных процессов?

Понятие парадигмы в социологии

В каждой научной дисциплине имеется множество теорий разной степени общности; необходимо определить некоторые системные связи между ними, а также их отношение к различным формам эмпирического знания, замечает В. Степин [2]. В связи с этим возникает потребность в понятии «научная парадигма», введенном Томасом

Ядов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальных трансформаций Института социологии РАН. **Адрес:** 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. **Телефон:** 125–79–20. **Факс:** (095) 719–07–40. **Электронная почта:** yadov@isras.ru

Куном. Он рассматривал научную парадигму не только в качестве признанной «модели» постановки и решения проблем; он выделял в ней некую «метафизическую» составляющую, «систему онтологических постулатов, конституирующих научную картину мира» [3].

Выбирая круг проблем и методологию их решения, исследователь опирается на некоторое представление о научной картине мира, а «ядро исследовательской программы», по И. Лакатосу, определяет, какие проблемы в принципе подлежат исследованию, а какие не имеют смысла в рамках данной программы [4].

Исходя из этого можно конкретизировать определение парадигмы применительно к социологии: *парадигма в социологии есть такое системное представление о взаимосвязях различных теорий, которое включает: (а) принятие некоторой общей для данных теорий философской («метафизической») идеи о социальном мире с ответом на критериальный вопрос: что есть «социальное»? (б) признание некоторых общих принципов, критериев обоснованности и достоверности знания относительно социальных процессов и явлений и, наконец, (в) принятие некоторого общего круга проблем, подлежащих или не подлежащих исследованию в рамках данной парадигмы.*

Предложено немало классификаций парадигмальных моделей, которые по сути представляют собой метапарадигмы. Так, Дж. Ритцер, один из ведущих авторов метатеоретических построений, выделяет три парадигмы — социальных фактов, социальных конструкций и социального поведения, каждая из которых утверждает свою онтологию социального мира [5]. Для первой — это надындивидуальные социальные структуры (например, Э. Дюркгейм), для второй — совокупности интенционально действующих социальных субъектов (М. Вебер) и для третьей — собственно поведение этих субъектов (бихевиоризм). Т. Джонсон, К. Дандекер и К. Эшуорт предложили классифицировать социологические парадигмы по критериям дихотомизации представлений о природе социальной реальности как материальной или идеальной и по критерию философского номинализма или реализма [6]. Можно привести и другие примеры.

Представляется, что построение квадрантов для выделения метатеоретических парадигм — не самая удачная методология в силу формальности исходного принципа — неперменной дихотомизации. Если понимать существо социологической парадигмы, как оно определено выше, то ключевым фактором ее конструкции будет научная картина мира, доминирующая в данную эпоху. Сама по себе эта картина не является «интимной» составляющей социологической парадигмы; это скорее та самая метафизика, которая диктует образ социального и ответ на критериальный вопрос о соотношении объективных закономерностей социальных изменений и роли социальных субъектов в этих процессах. Именно на этом основании формируется

ядро исследовательских программ: что подлежит исследованию и какой должна быть его методология, чтобы признать результаты отвечающими критериям научного знания.

Здесь-то и возникает граница между естествознанием и гуманитарными науками. П. Штомпка отлично сформулировал существо разделительной полосы в предисловии к русскому изданию своей книги: «Траектории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, но уровень социологического знания существенно влияет на направление социальных преобразований» [7, с. 9].

То, что мы своими теориями и исследованиями социальных реалий воздействуем на ход событий, сегодня абсолютно очевидно. И вместо поляризации в системе евклидовых «плоских координат», на мой взгляд, разумно обратиться к диалектическому принципу классификации социологических метапарадигм¹, а именно — противопоставлению объективизма и субъективизма с переходом в некий синтез, удерживающий существенное в обоих подходах путем, как формулировал Гегель, «снятия», а не тотального отвержения поляриностей.

Первопричина возникновения принципиально иной метапарадигмы — отвержение некоторой научной картины мира, которая представляется устаревшей. Первая такого рода «парадигмальная революция» была следствием исторического диспута о методе в конце XIX в.: объяснение социального или (плюс к тому) его понимание. Вильгельм Дильтей заимствовал термин «герменевтика» из практики богословов, стремившихся истолковать священные тексты, но внес в него иной смысл: следует установить понимание между создателем некоторого текста и его интерпретатором, для чего необходимо осознать «дух эпохи». И вправду, нет нужды «понимать» траектории движения планет, но смысл социальных действий понимать необходимо. Из великих социологов М. Вебер первым освоил герменевтику как методологический принцип интерпретации социального действия в его подлинном культурном контексте.

Мощным аргументом в пользу такого подхода, как ни странно, оказалось открытие физиками мира высоких энергий: микрочастицу невозможно одновременно фиксировать по ее массе и пространственным координатам потому, что прибор воздействует на состояние поля высоких энергий. Физики нашли решение — расчеты погрешностей эксперимента с применением поправочного коэффициента («принципа дополненности» Нильса Бора). В советское время один из моих коллег предложил сконструировать такой же принцип для социологического исследования. На каком основании? На том, что, как утверждалось в то время, возможна одна единственная научная социо-

¹ Данный подход первоначально предложил Пер Монсон [8].

логия, выявляющая объективные закономерности социальных процессов, — марксистско-ленинская.

Сегодня мы отчетливо сознаем, что фундаменталистский натур-объективизм способен привести к ложному социальному знанию. У. Томас утверждает: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям» [9]. Эта формула заслужила статус «теоремы Томаса».

Подтверждение формулы Томаса мы наблюдаем ежедневно. Нам непрерывно навязывают многообразные конструкции российской жизни и ее «хозяев», равно как и образы врага. Натур-объективизм здесь абсолютно неуместен. Кто возьмется рассчитать «поправочный коэффициент» к демонстрации картинок чеченских событий или военных действий в Ираке? Как получается, что действующий российский президент устойчиво пользуется высоким доверием граждан, а все социальные институты, призванные обеспечивать порядок и законность, — нет?

В приведенном афоризме Штомпки я вижу явное влияние идей Карла Поппера о самореализующихся и самопарализующихся предсказаниях. Маркс никогда не утверждал, что социализм может быть построен в отдельно взятой стране. Объективные закономерности развития человеческой цивилизации по его теории должны были привести к всемирной пролетарской революции и господству непосредственного обмена деятельностью между людьми (снятию отчуждения труда путем ликвидации рыночных механизмов — продажи своей рабочей силы, своего истинного человеческого существа). Большевики выдвинули иную версию революционного переустройства мира — построение социализма в «отдельно взятой стране», самом слабом звене мирового капитализма. Итог? Создание Советского Союза радикально повлияло на «движение планет» в социальной галактике.

Последний парадигмальный сдвиг связан с изменением научной картины мира, утверждением процессуальности изменчивости, в том числе и траекторий планет (трансформация галактических систем, обнаружение новых «черных дыр», которые вбирают в себя космическую материю и образуют что-то непонятное вроде «антимиров»). Эволюционная биология так далеко ушла от работ ее основателя, что Ч. Дарвин с трудом понял бы, что же происходит с «выживанием наиболее приспособленных», а главное — в чем причины мутаций, нынче объясняемых биохимиками принципиально иначе.

В теоретической социологии этот сдвиг детерминирован резким возрастанием динамизма социальных изменений: глобализация, распад системы социалистических стран, возрастание природных и техногенных рисков и т. д. Короче, если сам мир изменяется, то может ли оставаться неизменной социальной теория, претендующая на его

объяснение и понимание?² Можно предложить следующую классификацию социологических метапарадигм и связанных с ними предпосылок и следствий (табл. 1).

Таблица 1

Социологические метапарадигмы

Историко-культурные этапы в науке	Научная картина мира	Критерий научности	Что есть общество или социальное	Критерий обоснованности знания (социального в частности)
Классическая наука	Мир не зависит от нас. Надо выявить его свойства и законы развития	Воспроизводимость знания путем применения той же методологии	Целостная система	Стройная непротиворечивая теория
Постклассика — модерн	Мир объективен, но ученый не может адекватно его отразить	В физике — принцип дополненности. Понимающая социология	Социальные взаимодействия	Подтверждение предсказанного и ранее не наблюдавшегося
Постпостклассика. Наука нашего времени (граница XX–XXI вв.)	Мир в постоянном изменении	Ясность исходных посылок и методологии. Дискурс в научном сообществе	Конструкции непрерывно меняющейся реальности агентами, которые производят социальные изменения	Неоднозначность, то есть множественность объяснения изучаемых процессов (феноменов)

Комментарий к таблице. Классическое наследие в социологической теории соответствует первой горизонтали нашей схемы. Великие теоретики XIX в., традиции которых завершаются Т. Парсонсом (да и П.А. Сорокиным), стремились к созданию именно целостной и всеобъемлющей макротeorии, отвергая любые иные построения с той же претензией. В послевоенные 40-е годы, по ироническому выражению Э. Гидденса, структурный функционализм приобрел статус «единственно научной теории». Противостояние на политико-идеологической арене в не меньшей мере стимулировало представителей противоположного лагеря к утверждению о «единственно научном подходе» марксизма³.

² Эту проблему подробно рассматривает П. Штомпка в докладе на конференции «Как сегодня строить социологическое образование» [10].

³ В преамбуле Профессионального кодекса социолога, принятого Советской социологической ассоциацией, говорилось, что исторический

Постклассический период в науке, каковой трудно отделить жесткой границей от современности, знаменуется несомненным отказом от следования «единственно правильной» теории и порождает своего рода гибриды. Так, П. Бурдьё называл свой подход «структуралистским конструктивизмом», или «конструктивистским структурализмом». Гидденс утверждает «дуальность» структур.

Нынешнее состояние макротеории характеризуется *сверхмножественностью*: конструктивисты разделились на два лагеря — радикалов, действующих в согласии с «теоремой Томаса», и вполне умеренных, как П. Бергер и Т. Лукман, признающих существенное влияние объективных социальных процессов на субъективные конструкции реальности⁴. Чикагская школа «включенных наблюдателей», культурантропологи, произошедшие из классических антропологов (например, Бронислав Малиновский или Маргарет Мид) и закономерно признаваемые социологами, возрожденная историческая социология, политология, не способная размежеваться с социологией политики, лингвистика, культурология, претендующая на статус макросоциологической теории, целый ряд психологических концепций, которые излагаются в нормальных социологических пособиях — психоаналитики, бихевиористы и когнитивисты (а сегодня, в лице Кеннета Гергера, и постмодернисты)⁵... Короче говоря, границы между социальными дисциплинами стираются. Стираются границы и между социальными дисциплинами и естественнонаучным знанием. Присовокупим к названному ряду теорию динамического хаоса социальных систем Ильи Пригожина и синергетику, науку об искусственном интеллекте; Гидденс ввел в социологию компонент природной телесности, а А. Страусс совершил переворот в социологии медицины и помимо ролей врача и пациента ввел «роль» медицинского инструмента.

Возникает вопрос: какой может быть в данных условиях теоретико-методологическая стратегия современного социологического исследования?

материализм и есть общая социологическая теория. Никакой иной не предполагалось в данной функции.

⁴ В недавнем интервью Т. Лукман говорит, что приписывание ему и П. Бергеру образа конструктивистов — штамп. Комментируя идею их известной книги, он замечает: «Ее замысел заключался в том, чтобы представить определенный взгляд на социальную теорию в категориях социологии знания. Она избирательно и эклектично основывалась на основных идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии Макса Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида» [11].

⁵ О космизме (Н. Чижевский и др.) не берусь говорить, поскольку пока не понимаю данный вклад в объяснение социально конструктивно.

Совмещение различных теоретических подходов

Для начала исключим из дальнейшего анализа постмодернистский подход в его проекции на предмет нашего рассмотрения — состояние современной теории. Р. Коллинз справедливо замечает, что постмодернизм понимает социологию всего лишь как интеллектуальный дискурс, далекий от познавательной и практической функции научной дисциплины, поскольку это направление вообще отрицает существование законов социального мира [1]. С. Сидман, анализируя труды М. Фуко и Ж.-Ф. Лиотара, заключает: «Тот тип социальных теорий, что сегодня имеет место, должен быть заменен многообразием «социальных теорий» (иронические кавычки. — В.Я.) в виде широкого социального нарратива (то есть рассказа, описания), каковой имеет дело с историей возникновения и развития, описанием кризисов, упадка или прогресса на основе регистрации реальных событий, не претендуя на единственно верное понятийное толкование зеркальных образов социального универсума» [цит. по 12, с. 467]. Социальное существует лишь в пространстве возможного, оно «гибнет в претензии на реальное» [12, с. 467].

Действительно, претендовать на открытие истины социальная наука не может хотя бы потому, что истина всегда относительна. В практическом применении обоснованное социальное знание должно быть адекватным и предмету исследования, и некоторой практической задаче. Например, что есть социальное расслоение в современной России? Если мы хотим достичь цивилизованного сотрудничества работодателей и наемных работников, используя стратегию переговоров и трипартизма, наиболее адекватной будет теория классов. Если наша задача — понять, в какой мере российское общество продвигается к устойчиво развивающемуся рыночному и демократическому социуму, тогда «ищем» средние слои и беспокоимся об их численном доминировании. Если же мы хотим осмыслить механизмы социальных трансформаций, обращаемся к активистской концепции Т. Заславской [13]. Она выделяет десяток групп в соответствии с их социальным ресурсом, ориентированным на реформацию, противостояние изменениям и даже возврат к социалистическим порядкам.

Другое дело — подменять социальное знание «широким нарративом», описанием социокультурных «текстов», каковые каждый волен понимать, как ему вздумается. Социальная наука во все времена существует для удовлетворения одной из важнейших потребностей — понимания существующего общества и прогнозирования его развития. В противном случае этот социальный институт утрачивает свои основные функции и превращается в арену для состязаний в наукообразном красноречии, в беспредельный «дискурс» амбициозных субъектов, занятых демонстрацией своего интеллекта.

Итак, какие же исследовательские стратегии возможны в полипарадигмальном пространстве современной социологии? Здесь я во многом опираюсь на статью Ч. Ками и Н. Гросса, предпринявших незавидный труд обозреть проблему [12]. Однако я попытаюсь несколько реконструировать и пополнить их анализ. Несомненно продуктивной представляется идея Жоржа Гурвича о «комплементарном» объяснении тех или иных социальных проблем, процессов, явлений [12, р. 458]. Автор имеет в виду взаимодополняющие истолкования проблем, то есть применение разных теоретических подходов. Эта стратегия великолепно работает при использовании теорий среднего уровня (по Р. Мертону).

В длительных исследованиях социальных идентификаций россиян, их ориентаций в пространстве «своих» и «не своих» групп и общностей мы с коллегами активно прибегаем к комплементарности толкования разного рода данных [14–18]. Так, Г. Зиммель объясняет функции «чужаков», которые, по его выражению, приходят не затем, чтобы позже уйти, но чтобы остаться, и далеко не всегда осваивают культуру своей новой среды⁶. К. Маркс помогает истолковать солидаристические интенции некоторых, как правило, депривированных групп населения. Сторонники теории рационального выбора объясняют те же процессы трезвым расчетом выгоды в виде способности «мы-сообществ» обеспечить поддержку и защиту в ответ на готовность поддержать «своих». Этот аргумент отлично применим к многократно фиксированному факту наибольшей близости в понятиях «мы как свои люди» семейных, дружеских, поколенческих и иных «мы-групп», которые доминируют в нынешних социальных идентификациях россиян. Психоаналитики, утверждая защитную функцию «отца» в человеческом подсознании, вполне закономерно постулируют неизбежность присутствия тех, от кого следует защищаться⁷. Бихевиористы акцентируют внимание на ситуативности, прямой зависимости социальной идентификации от социального контекста. С. Московиси выдвигает идею своего рода идентификационной матрицы, в которой одни ячейки в данной ситуации могут быть активизированы, другие же образуют фоновую структуру, «задний план». Ни одно из приведенных толкований не представляется «лишним», но обеспечивает многосмысловое понимание проблемы.

⁶ В нашем исследовании это большая подвыборка вынужденных русских переселенцев из Чечни в Краснодарский край. Они чувствуют себя «не теми» русскими, что рядом.

⁷ Этим, например, объясняется неустойчиво кратковременная активизация гражданской идентичности («Я — россиянин») в периоды бомбежек Югославии силами НАТО, захвата заложников в Москве, в период американо-британского вторжения в Ирак.

Дж. Тернер предлагает другую продуктивную стратегию, которую он называет *аналитическим теоретизированием*: это одновременное движение от «интересной философии» и наблюдаемых фактов к некоторым «сенсibiliзирующим обобщениям» [19]. При этом допустимо использование любых «подходящих» теорий, способных прояснить проблему⁸.

Третья возможная стратегия — *интеграция различных теоретических подходов с помощью разнообразных исследовательских инструментов*⁹. В ряду таких универсальных инструментов — методология Пьера Бурдьё, где «хабитус» не что иное, как система отрефлексированных практик прошлого, из чего следуют диспозиции к социальному поведению в данных конкретных условиях. К такого же рода инструментам относится принцип INIO П. Штомпки [7, с. 28–30]. Любую социокультурную общность и социальную систему, действительно, можно проанализировать, принимая во внимание четыре измерения: идеология (Ideology) — система ценностей (Т. Парсонс, и М. Шелер, и, конечно, К. Маннгейм); нормативная система (Norms) — десятки нормативистских концепций будут уместны; интеракции (Interactions) — преимущественно вертикально организованные, горизонтально-гражданские либо сетевые; наконец, социальный ресурс, социальный и символический капитал групповых и индивидуальных деятелей (Opportunity), то есть то, что Т. Заславская применительно к России называет деятельностью-структурной теорией трансформационного процесса; здесь она выделяет социальные группы, обладающие мощным трансформационным потенциалом, не обладающие таковым, настроенные негативно по отношению к происходящим переменам. INIO Штомпки заведомо предполагает привлечение множества теоретических концепций к анализу данных. Возможности рассматриваемого инструментария достаточно убедительно продемонстрированы в социологических исследованиях [20].

⁸ Эту стратегию мы использовали в исследовании трудовых отношений на российских предприятиях. «Интересной философией» здесь может быть, пожалуй, лишь конструктивистский подход, а ближайшими частными теориями — неoinституционализм и «теория становления правил» Т. Бёрнса. Эмпирические данные, полученные в результате свободных интервью с руководством и простыми рабочими, приводят к таким, например, «сенсibiliзирующим обобщениям», как «постсоветский коллективистический корпоративизм» (С. Климова). В условиях социальных трансформаций «понятия-кентавры» вполне уместны. К их числу можно отнести придуманный Н. Наумовой термин «рецидивизирующая модернизация».

⁹ Этот прием назван «diverse set of practical tools» [цит. по 12, р. 456].

Следующая стратегия не лишена амбициозности и состоит в развитии некоторой интегрирующей и вполне стройной теории, отвечающей современному динамизму общественных процессов. Это теории П. Бурдьё, «постпарсонский микро-макро синтез» Дж. Александера [21], теория морфогенеза М. Арчер [22], теория структуризации Э. Гидденса [23], сетевой подход М. Кастельса [24], активистская теория А. Турена [25], теория социального становления П. Штомпки [26], теория становления правил Т. Бернса [27] и многие другие, а еще ранее — теория фигураций Н. Элиаса [28]. Названные ученые пытаются диалектически интегрировать системно-структурные, конструктивистские и феноменологические идеи¹⁰.

В этих теориях отнюдь не игнорируется роль социальных институтов, первоначально социализирующих «агентов»¹¹. Но в полном согласии с Марксом эти в студенческие годы в большинстве своем бунтари левого толка исходят из формулы: люди «находят уже готовыми» «материальные условия их жизни», но собственной практической деятельностью их изменяют [29].

Вместо социальных структур утверждается метафора «полей», или «сетей», социальных взаимодействий, вместо акцента на стабильность, социализацию личности (Гидденс окрестил эту классическую идею концепцией «обстругивания индивидов под болванов») и упреждение девиаций — принцип «нормальности» трансформационных процессов. П. Штомпка (кстати говоря, избранный на последнем мировом конгрессе Президентом МСА), как уже упоминалось, детально объяснил, в чем именно состоит парадигмальный сдвиг современной социальной теории [10].

Описанные четыре стратегии представляются мне наиболее плодотворными при решении обсуждаемой проблемы. Ч. Ками и Н. Гросс упоминают и другие стратегии, например «*рафинирование*» и «*расширение*» классиков (неомарксизм, неовеберизм¹² и т. д.), *открытие «белых пятен» в социальной теории*, построение теорий применительно к принципиально новым и ранее не имевшим места

¹⁰ В ряду интеграторов разных теорий упоминают и Никласа Лумана с его теорией «аутопойэзиса». Сам автор претендует на «всеобъемлющее» понимание и толкование «всего социального». Тем не менее пока не известно ни одного эмпирического исследования, так или иначе опирающегося на теорию Лумана. Скорее всего это некая философская концепция.

¹¹ Интересно отметить, что теоретики данного, активистского, направления предпочитают термин *agensu*, заимствованный, с одной стороны, у Гегеля и Маркса, а с другой — из области химии (вещество-«агент» запускает химическую реакцию).

¹² Пример — статья Ю. Давыдова [30].

социальным процессам (глобализация, например, теория повышенных рисков Э. Гидденса и У. Бека и др.) [12].

В этом ряду определенно заслуживает внимания то, что авторы назвали «обнаружением белых пятен». Так, Гидденс вводит в социологическое осмысление то, что называет «природным» и «телесным». В самом деле, классики социологии были настолько увлечены пониманием природы социальности, что просто-напросто игнорировали «естественное» в социальном. Достаточно обратить внимание на не слишком пространные границы человеческой жизни, чтобы понять многие явления, наблюдаемые в сфере государственной и даже мировой политики. Политические лидеры остаются «смертными человеками» и, в частности, потому нередко предпочитают программировать свои государственные действия в кратко- и среднесрочных временных рамках.

«Белое пятно» обнаружили и феноменологи. А. Страусс в своей «Grounded theory» [31], что трудно адекватно перевести на русский, при наблюдениях действий медицинского персонала и пациентов клиники обнаружил, что большое значение имеет физический медицинский инструментарий: пациенты боятся всякого рода операций, взятия пункции из позвоночника и т. п. Опирающиеся на структурный функционализм теории в социологии медицины ничего подобного не предусматривали и «зацикливались» на концепции принятия либо отвержения роли больного и тому подобных проблемах социальных взаимодействий в клинике. Медицинский инструмент, оперирование им не могли быть предметом изучения в этой парадигме.

Может ли теория иметь «национальные» черты?

Эта проблема, поднятая в работах А.Ф. Филиппова [32]¹³, сама по себе исключительно важна. Есть исторические примеры, доказывающие полную непригодность теорий, разработанных в одной социально-культурной среде, к обществам существенно иной культуры и институциональных традиций. Так, А. Акивово показал, что западноевропейские рационалистические концепции не способствуют пониманию и объяснению социальных процессов в африканских странах, где то, что феноменологи называют *body behaviour*, важнее, чем артикулированное действие [33]. Акивово пишет, что из нигерийских парламентских протоколов западный исследователь ничего путного не извлечет. Существенно, с какой интонацией и ужимками депутат произносит свою речь. Она может быть документально расценена как направленная на поддержку некоторого закона, но парламентарии ясно улавливают: оратор решительно против его принятия.

¹³ Следует заметить, что в последних публичных выступлениях автор склонен «либерализировать» свою жесткую позицию.

Другой пример этно-национальной направленности социальной теории — страны Латинской Америки. А. Турен пришел к выводу, что в этих странах эффективна «участвующая» социология. Он опробовал свою теорию также и в работе с польской «Солидарностью». Суть такова: обсуждение социальных проблем в длительных дискуссиях с политически активированными деятелями результируется «здесь и сейчас» в практических действиях последних. Попытки Турена вместе с Л. Гордоном и Э. Клоповым испытать теорию в России (рабочее движение, профлидеры) не принесли ожидаемого эффекта.

В пользу идеи А. Филиппова говорят многочисленные национально-страновые модификации марксизма: ленинизм в России, «чучхе» в Северной Корее, непонятный «африканский социализм», китайский марксизм — маоцзедунизм — или современная идеологическая трансформация марксизма Дэн Сяопином — все это свидетельства так называемой «индигенизации» социальной теории, ее приспособления к условиям данной страны в данный исторический период¹⁴.

Проблема, поднятая А. Филипповым, сводится к вопросу: является ли Россия страной западной цивилизации? Если да, то современные макросоциальные теории применимы к анализу российских проблем, если нет, необходимо какое-то иное теоретико-методологическое толкование наших реалий.

Ответ мы находим в том, что *процессуально* общество трансформируется в сторону западноевропейской системы и утверждения соответствующих социальных институтов. Плюс глобализация, плюс сетевые взаимосвязи, плюс общемировое информационное пространство, плюс сотрудничество с НАТО и стремление войти в мировой рынок, плюс...

По моему убеждению, российская социология не нуждается ни в какой «национально-специфичной» социальной теории. Вопрос в другом: насколько именно современные активистские и постмодернистские концепции адекватны для анализа российских реалий?

Активистские подходы представляются уместными. Хотя страна пребывает в фазе индустриализма, реформация обеспечивает динамику всех социальных процессов. Постмодернистский подход как определенная философская идея в числе прочего утверждает, что люди не могут рассчитывать на защиту социальных институтов, не могут контролировать ситуации своей жизнедеятельности, в принципе не защищены и потому «свободны». З. Бауман соглашается с Д.Р. Дюфуrom, что «новые индивиды являются скорее брошенными, чем свободными» [цит. по 35]. Та же ситуация и в России, хотя исто-

¹⁴ «Индигенизация» теории (термин предложен Мартином Элброу) буквально может быть переведена как ее «отуземливание» [34].

ки ее принципиально иные по сравнению с западноевропейскими¹⁵.

Другое дело — частносоциологические концепции или целенаправленные модификации общих теорий применительно к российским условиям. К их числу вполне можно отнести упомянутую выше теорию Т. Заславской, концепции «расколотого общества» А. Ахиезера [36], общества «рецидивирующей модернизации» Н. Наумовой [37], «другой Европы» В. Федотовой [38], общества с доминированием вертикально организованных социальных институтов при решающей роли государства и минимальном «фоновом» присутствии горизонтально организованных гражданских институтов С. Кирдиной [39], наброски теории о России как обществе повышенных рисков О. Яницкого [40] и др. Есть продвижение и в развитии общетеоретических идей, например, моно- и полицентричные типы культур и «культурных инсценировок» Л. Ионина [41], социология пространства А. Филиппова [42], синергетические толкования социальных процессов, где математики и физики сотрудничают с философами — В. Степин, С. Курдюмов, Г. Махиненций, Ю. Клемантович и др., упомянутая выше новая трактовка М. Вебера Ю. Давыдовым с акцентом на спекулятивные (не продуктивные) особенности российского капитализма, совершенно отличное от западных концепций «прочтение» глобализационных процессов в проекции на российское общество Н. Покровским [43] и проч.

Можно сказать, что пессимизм по поводу отсутствия теоретического «дискурса» в отечественном социологическом сообществе не вполне оправдан. Утверждение полипарадигмального подхода к анализу социальных процессов, особенно в диссертациях и дипломных работах молодых авторов, позволяет надеяться на то, что российская социология приближается к современному общемировому уровню.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коллинз Р.* Социология: наука или антинаука? // THESIS. 1994. № 4.
2. *Степин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 188.
3. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. С. 220–259.
4. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1995.

¹⁵ З. Бауман комментировал российскую ситуацию, выступая с докладом в Институте социологии РАН (2002 г.) так: «По форме Россия сталкивается с проблемами незащищенности граждан существующими социальными институтами, равно как это имеет место и в развитых странах Запада. По существу же причины таковой незащищенности явно различны. У вас — это драма ломки прежних и создание новых, еще не окрепших структур».

5. *Ritzer G.* Contemporary sociological theory. New York: McGraw Hill, 1992.
6. *Джонсон Т., Дандекер К., Шуорт К.* Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // THESIS. 1993. № 1.
7. *Штомпка П.* Социология социальных изменений: Пер. с англ. / Под ред. В. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996.
8. *Монсон П.* Лодка на аллеях парка: введение в социологию. М.: Весь мир, 1995.
9. *Thomas W.* Das Kind in Amerika // Person und Sozialverhalten. Neuwielf, 1965. S. 114.
10. *Штомпка П.* Теоретическая социология и социологическое воображение: Доклад на межд. конференции «Национальные ориентиры и мировой опыт в области преподавания социально-экономических дисциплин в высшей школе» // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 148–158.
11. Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 4. С. 8.
12. *Camie Ch., Gross N.* Contemporary development in sociological theory: Current projects and conditions of possibility // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 453–476.
13. *Заславская Т.И.* Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М.: ВЦИОМ, МВШСЭН., 1997. С. 283–299.
14. *Данилова Е.Н.* Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
15. *Данилова Е.Н.* Кто есть «мы» в России и Польше? // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001.
16. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН. Вып. 1. 1993; Вып. 2. 1994.
17. *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
18. *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. 1995. № 3–4.
19. *Тернер Дж.* Аналитическое теоретизирование // Теория общества / Под ред. А. Филиппова. М.: Канон-Пресс, 1999. С. 103–157.
20. Полипарадигмальный подход в социологии: опыт применения социокультурной концепции поля INIO Петра Штомпки / Под ред. В.А. Ядова. М.: Центр социологического образования ИС РАН, 1999.
21. *Alexander J.C.* Theoretical logic in sociology: 4 vols. Berkeley: Univ. Calif. Press, 1982–1983.
22. *Arhcer M.* Culture and agency: The place of culture in social theory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
23. *Giddens A.* The constitution of society. Berkeley: Berkeley Univ. Press, 1987.
24. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ Высшая школа экономики, 2000.
25. *Турен А.* Возвращение человека действующего: очерк социологии / Под ред. М.Н. Грецкого. М.: Научный мир, 1998.
26. *Sztompka P.* Society in action: The theory of social becoming. Cambridge: Polity Press. 1991.

27. *Burns T., Dietz T.* Cultural evolution: Social rule systems, selection, and human agency // *International Sociology*. Vol. 7. No. 3. P 259-283.
28. *Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.
29. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения: В 3-х т. Т. 1. М.: Политиздат, 1980. С. 8.
30. *Давыдов Ю.* Российская ситуация в свете веберовского различения двух типов капитализма // *Россия: трансформирующееся общество* / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001. С. 64–76.
31. *Glaser B, Strauss A.* The discovery of grounded theory. Chicago: Adline, 1967.
32. *Филлипов А.Ф.* О понятии «теоретическая социология» // *Социологический журнал*. 1997. № 1/2.
33. *Akiworo A.A.* Contributions to the sociology of knowledge from an African oral poetry // *Globalization, Knowledge and Society* / Ed. by M. Albrow, E. King. London: Sage Publ, 1990. P. 103-118.
34. *Albrow M.* Introduction // *Globalization, knowledge and society* / Ed. by M. Albrow, E. King. London: Sage Publication, 1990.
35. *Бауман З.* Пьер Бурдьё и диалектика *vita contemplativa* и *vita activa* // *Социологический журнал*. 2002. № 3. С. 17.
36. *Ахиезер А.* Россия — расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // *Мир России*. 1995. № 1.
37. *Наумова Н.* Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // *Социологический журнал*. 1996. № 3/4. С. 5–28.
38. *Федотова В.* Трансформация «другой» Европы. М.: Ин-т философии РАН, 1997.
39. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд. Новосибирск: Ин-т экономики и организации промышленного производства. 2001.
40. *Яницкий О.Н.* Россия как общество риска: контуры теории // *Россия: трансформирующееся общество* / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001. С. 21–44.
41. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Логос, 1996.
42. *Филлипов А.Ф.* Социология пространства как теоретическая альтернатива // *Россия: трансформирующееся общество* / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001. С 45–63.
43. *Покровский Н.Е.* В зеркале глобализации // *Отечественные записки*. 2003. № 1.